

Творчество как диалог, или свобода слова (продолжение)

1.

Маргинализация поэзии в современной культуре – симптом вырождения или перехода в новое качество?

зарисовки на обочине

Бедные поэты. Поэзию выдавили на обочину, сделали из неё маргинальную, никому ненужную область культуры. Не все души справляются с таким положением, происходит маргинализация психики, отрыв от обратной связи, от здоровой творческой среды, неспособность к адекватному восприятию себя и своих текстов, неспособность вести нормальный диалог, асоциальность, фантомы и фобии. Это – симптом. Не только для культуры, но и для судьбы людей.

Поэзию согласны терпеть только в качестве песенных текстов. То есть – в подсобной роли. Это совсем другая стилистика и другой жанр.

Поэзия – как таковая – считается мозговой игрой интеллектуалов, уделом спецов-искусствоведов. Крайний угол – оторванный от жизни. Или – графоманией.

Настоящая поэзия вся в прошлом, как архитектура. (Так думает, не задумываясь, большинство читающей публики.)

Люди, живущие в новых районах и созерцающие с детства примитив архитектурных форм, другие. Кто с детства жил среди прекрасной архитектуры прошлых веков, тот знает, что эти люди – другие.

Тех же особей, кто не может жить без *вечного чтения* подлинной поэзии, как не может жить человек без общения с природой, становится всё меньше. Отмирает сама потребность в созерцании высшей формы речи. Эта речь стала недоступной и ненужной: все смыслы жизни можно передавать друг другу и проще, и понятней.

«Архитектурные излишества» поэзии кажутся душевным балластом, в лучшем случае – изысканной эмоциональной пищей. Духовная и умственная необходимость речи, состоящей из «смысловых аккордов» (строф), для понимания высших смыслов, доступных человеку на земле, становится не более очевидной, чем для дикаря необходимость изучения письма (зачем? всё, что нужно человеку, можно передать изустно: это и живее, и понятнее, и добрее). Читать стихи – это дышать. В самом прямом смысле слова.

Высшая форма речи – поэзия – и есть подлинная свобода слова.

Высшая форма эроса и есть свобода любви.

Разврат – умаление, истребление прежде всего свободы любви.

Умаление поэзии в культуре – это истребление свободы слова. (Кому и зачем это нужно, объяснять уже нет смысла: надо прочувствовать на собственной шкуре. Увы, человек учится урокам истории на судьбах своих детей.)

Потребность в поэзии – как высшей форме письменной речи – отмирает. Но – удивительно! – начинается обратный процесс, человек выходит к поэзии с «чёрного хода», напролом, нахрапом, насильничаньем. Значит, страсть и потребность эта неистребима, она лишь извращается, как извращается, охладевая, любовь-эрос, превращаясь в «занятие сексом».

Исчезает читатель стихов – и появляются тысячи пишущих стихи.

Все дети рисуют, но мало кто из них интересуется живописью – как искусством. Есть смутная потребность, но встреча с искусством не становится *жизненным событием*.

Уважать пишущего стихи стало трудно. Его желание поделиться написанным – простительная слабость человеческого тщеславия. Писать картины, музыку, снимать фильмы, играть в театре – этому надо учиться, не каждый может. А стишки кропать может любой, чему тут учиться? Вот и кропают. Сотни и сотни тысяч стихов и поэтов заполнили Сеть. Что-то в этом есть, и не только дурное. Странная и новая болезнь...

Печально другое: чем больше пишут, тем меньше читают. Может, это временно?

Впрочем, всё уродливое в нашем мире временно.

Не раз ловил себя на чувстве: если кто-то признаётся, что пишет стихи (ах, как бы прозу! а ещё лучше – публицистику или философские трактаты! – не каждый может, тут знания нужны, эрудиция, это не стишки), то сразу как-то снисходительно начинаешь на него посматривать: ну, ничего-ничего, рисуй, деточка: точка, точка, запятая...

Как-то становится стыдно за него: такой большой – и такие глупости. И вообще – неловко, лучше бы промолчал. (Мало ли, чем мы там втихаря занимаемся, зачем же об этом вслух?)

А уж если несчастный ляпнет, что он поэт (да ещё – так, как раньше говорилось – с теми же интонациями: поэт, ты царь... и прочие обострения), то перед вами – просто дурак.

Других вариантов нынешний социум не оставляет. Либо сиди в углу с такими же отщепенцами, помалкивая в тряпочку о своём позоре, либо ты – просто дурак.

Признаться, что ты поэт (не хобби, а как на духу, с верою), хуже, чем признаться в любом тайном пороке. Порок поймут и простят. А тут – сразу выпадаешь из комильфо, безвозвратно. Дурак.

Такова участь поэзии в современном мире. Поэзия вслед за архитектурой

покидает культуру. У меня остаётся лишь один незакрытый вопрос: это крах или мы стоим на пороге новой эпохи, качественно другой?

Знаю точно, что ничего хорошего с людьми и миром не будет, никакая великая новая эпоха не начнётся, пока не начнётся возрождение архитектуры и поэзии, пока сама потребность творить и созерцать архитектурные и поэтические «излишества» не станет насущной для многих. И по всей видимости, это произойдёт через религиозное осмысление творчества. (Без перехода к аристократическим формам правления от демократических тоже почти невозможно представить возрождение высших форм искусства.)

2.

Мы живём в перевёрнутом мире (зеркально)

Почему-то далеко не каждая «проза» (частный вид поэзии) считается произведением искусства. А какая считается? Неужели мы ждём от прозы новой формы и от формы исходим в её оценке? Или таки от «содержания»?

Поэзия такая же естественная речь, как и проза. Вернее – более естественная, потому что лаконичная. А как письменная речь – поэзия древнее прозы. Как искусство – несопоставимо древнее.

Почему-то написанное «в столбик» (с тем или иным ритмом) уже претендует на искусство. Почему-то в «поэзии» форма «выпирает» и доминирует над смыслом. А в прозе? А в чём отличие?

Вот и докатились, что люди перестали считать поэзию РЕЧЬЮ, а стали видеть в ней какую-то «форму», под которую подгоняется какое-то «содержание».

Только та поэзия есть поэзия, которая наиболее экономным и наиболее естественным способом передаёт (содержит в себе) такое «содержание», какое невозможно передать иным способом. Всё, что можно передать «прозой», надо передавать «прозой».

Для поэта – поэзия естественная форма речи (поэт думает стихами – «смысловыми аккордами»). Но не каждая естественная речь (поэзия ли, проза) есть искусство. Только то произведение можно назвать искусством, которое не выдуманно, в котором есть Душа, Замысел, Предмет, Логос, существующий независимо от художника. И уже сам Предмет подбирает себе «форму».

Только то есть произведение искусства, где невозможно отделить «форму» от «содержания», где всё есть Содержание. Как невозможно отделить «форму» от «содержания» в человеческом лице или в восходе солнца.

Поэзия – естественная речь, наиболее лаконичная и смыслоёмкая. Но людям неестественное кажется естественным, а естественное искусственным.

Приходится терпеть: писать «прозой», затрачивая массу слов на передачу смысла, который можно передать одной точной стихотворной строфой. Но иначе вообще никто ничего не поймёт...

Почему авторы вед, библейских книг, греческих трагедий, национального эпоса писали, не сговариваясь, стихами? Потому что так проще, естественней для **такого** содержания.

А теперь – всё наоборот.

Все умеют водить карандашом по бумаге, но не все при этом занятии создают искусство. То же и со стихами: зарифмовать что-то – это так же естественно, как плясать от счастья или петь от грусти (но это ещё не искусство).

Только Логос, входящий в художника, и мастерство художника, способное этот Логос отобразить, создают в нашем мире искусство.

Писать стихи – это естественно, как дышать. Научиться читать и понимать стихи – требуется гораздо больше творческих усилий и умения, труда, опыта, развитого вкуса и воображения, чуткости души, гибкости ума, духовной жажды, любви.

А писать... Очень просто, как болтать. Вот и пишут. Где-то в глубинах памяти сохранилось, что говорить стихами естественней, чем «прозой»...

Пишут легко и читают легко. И не уважают прочитанное, ибо Предмет не отображается в таком «чтении». И глядя в книгу, видят собственную фигуру в кармане.

3.

Ещё одна импровизация на тему свободы слова...

Поэзия и эрос живы одной энергией. Вдохновение поэта сродни влюблённости.

Концентрация сил, избирательность, сосредоточенность на предмете, приоритет качества, неповторимость лица – вот признаки наполненности этой энергией. Поэтический эрос необходим для лирической, философской, религиозной, эпической и даже гражданской поэзии не меньше, чем для эротической (для последней – в наименьшей степени: там слишком всё очевидно и всё на поверхности).

Разврат враждебен и бросает вызов не морали, а эросу. Мораль лишь гигиена: её внешние правила – как грамматика в языке: не самоцель и не главное. Разврат – это имитация эроса, фальсификация и профанация его. Формализм и интеллектуализм в поэзии и есть разврат, оскудение поэтического эроса. Разврат не видит духовного содержания, потому что лишён свободы избрания, сосредоточенности на предмете любви. Разврат

безысходно замыкает эго, погружая его в собственные сиюминутные состояния. Такая замкнутость на своих состояниях неизбежно приводит к безликости: своеволие кончается рабством и штампами «общих мест». Разврат всегда исходит из формальных признаков (как любой имитатор), он всегда ищет всё новые и новые формы и уповает на технологии, но не может насытиться ни одной из них: пресыщение и охлаждение, распад и разложение – неизбежный итог любого разврата, что поэтического, что эротического. Мертвящий формализм моралиста и развратника – следствия одного и того же процесса – угасания творческого эроса.

Разврат может быть утончённым, эстетским, интеллектуальным, мистическим. Но суть остаётся та же – формализм, отсутствие светоносного Логоса. Имитация, видимость содержания создаются бесконечными интеллектуальными перестановками, игрой эрудиции или фантазмов. Такая игра лишена не только высоты, но и глубины.

Самодостаточный психологизм тоже кончает развратом, так как не находит внутри себя никакой опоры, никакой незыблемой духовной вертикали. Душевная стихия, погружённая в себя и оторванная от духовного мира, иссыкает в пустыне разврата. В суетном поиске новых форм и технологий никаких подлинных новых форм не находится: можно и так, и эдак, и всё это уже было...

Новую форму может дать только новое содержание, Новое Слово. Форма и есть лицо содержания, обращённое к миру. И подделать форму невозможно: форму рождает сам Художественный Предмет, внутреннее солнце произведения, созерцание которого и диалог с которым и есть поэтический избирающий эрос.

Формально, технологически – половой разврат неотличим от эроса. Также внешне неотличим разврат поэтический от подлинной поэзии. Никаких объективных критериев для свободного эроса нет: любовь познаётся только любовью, дух – духом.

Формально, внешне дьявол неотличим от Бога: духовная тьма – от духовного света.

Все формы разврата (от вульгарных до утончённо-интеллектуальных) ведут не в подлинный мир духовного содержания, а в пустоту: не в жизнь, а в смерть: не в новое бытие, а в неутолимые поиски новенького.

Главная опасность нашего времени в том, что всесмешение структур сделало неотличимым фальшивку от подлинника: всё перепутано, погружено в муть, всё находится в каком-то тумане. Только религиозное осмысление творчества поможет выйти из этой комнаты кривых зеркал: никакие внешние критерии и структурные анализы ничего по сути не дают; необходимо искать выход в свободе своего духа, в возгорании избирающего творческого эроса,

влюблённости в Подлинное. Только такая влюблённость в Подлинное даёт возможность различать фальшь в тех или иных феноменах.

Тургеневская девушка в первую очередь эротичней «девушки в стрингах». При внешней неотличимости форм. В первой есть Тайна и глубина, во второй – всё выброшено вовне, в плотскую плоскость.

Целомудрие – это концентрация сил. Целомудрие нужно для подвига – творческого, любовного или на узком пути святости, а не само по себе. «Старая дева» в миру – как талант, закопанный в землю. Грех есть преступление против Божьего Замысла о тебе.

Очень важно различать не только добро и зло, не только фальшь и подлинник, но и разные реальности добра. Любовь-жалость (агапе) и любовь-эрос, как жизнь и искусство, разные реальности, и обе уходят корнями в подлинное, духовное бытие. Но как уродливы их смешения в эмпирике! Жалость, всепрощение, этика, ставшая избирательным эросом, приводит к морализаторству, законническому фарисейству, инквизиции. Эрос, по доброте душевной не отказывающий никому, иссыкает и разлагается. Законы жизни, перенесённые на искусство, убивают искусство, сводя его к служебной, а потом и протитирующей функции. Искусство, пытающееся подмять под себя жизнь, становится жестоко, развратно, порождает эстетствующий формализм и бездуховный интеллектуализм, растлевает душу. Крайности сходятся.

Никакие «архитектурные излишества» не спасут. Не в форме дело. Новая «архитектура» производит впечатление неподлинности, какого-то суррогата и отталкивает вовсе не бедностью геометрических форм, а безблагодатностью, отсутствием одухотворённости и бытийной качественности, возможной лишь в служении Замыслу и Целому.

Такое же впечатление от всей постмодернистской культуры: это что-то ненастоящее, что-то надуманное, – в ней нет Нового Слова, нет внутреннего солнца. Подмена духовного интеллектуальным – главная ложь этой эпохи.

В том, что поэзия вытеснена на периферию культуры, виноват не только социум, погрязший в фантомах и фикциях, но и сами поэты: формальный и интеллектуальный разврат – закономерное последствие разрушения незыблемой шкалы ценностей, угашения горнего духа. Но социальные последствия вырождения архитектуры и вслед за ней поэзии очень тяжелы: созерцание «застывшей музыки» и понимание речи, состоящей из «смысловых аккордов», формирует душевную ткань, структурирует сознание на тонком уровне. Душа, лишённая такого созерцания, перестаёт отличать настоящее и подлинное от фальши – во всех сферах жизни, а не только в эстетике.

Эрос неистребим в человеке. Извращение эроса – лишь ложная его

направленность. Какая-то знаковая тенденция есть в том, что появляются тысячи и тысячи пишущих стихи и параллельно вымирает настоящий читатель поэзии. Читатель поэзии – это соавтор: поэзия воплощается лишь в душе читателя, его творческим усилием. Стихотворение – это всегда творчество троих: Замысла (Души произведения, художественного Предмета), автора и читателя. Стало очень много авторов при дефиците читателей. Много имитации эроса при отсутствии влюблённости.

«Духовной жаждою томим»... Это начало всего. Откуда эта жажда берётся, как она пробуждается, мы не знаем, как не знаем, откуда берётся вдохновение и влюблённость (Фрейд всё перепутал, как и Маркс: не оттуда и не туда). Духовная жажда первична. Может быть, последние пределы пресыщения и есть та пустыня, где возгорится нестерпимая духовная жажда? Никакие новые формы не оживят искусства.

Только Новое Слово, новое духовное Содержание может вдохнуть жизнь в красную глину искусства и сделать зрячими руки мастера. Без возгорания творческого эроса невозможно никакое новое качество – ни в искусстве, ни в социуме. Спасёт красота, а не красивость и не формотворчество. Подлинная красота одухотворена: форма её рождена внутренним солнцем-логосом.

Нет свободы, когда перекрыты пути восхождения. Соблазняя внешней свободой, неолиберализм лишает человека глубины бытия, его тайной свободы: не остаётся в душе места для благоговения перед святыней, умиления перед красотой – всё подвергается разлагающему скепсису, тотальной иронии. Отравляются горные родники, иссыхают корни. Эрос становится похотью жизни. Без дуновения духа – любая форма лишь труп (и его разложение вопрос времени).

Может, пресыщение писанием стихов вызовет жажду читать?

Не с появления новых форм и новых поэтов начнётся возрождение поэзии, а с появления читателей, с возрождения самой потребности читать стихи и делиться открытиями друг с другом.

В капле воды отражается мир: в судьбе поэзии отражается творческая судьба человека – судьба его любви-эроса.

4.

Видеоты¹

А вот раньше бывало (до исторического виртуала)... Не знаю, лучше ли, но намного проще.

---

¹ См. одноимённую статью Григория Померанца.

Хотя Даниил Андреев уже тогда заподозрил что-то неладное – и сослал на всякий пожарный всех этих литературных типов в отдельный слой (пусть там сидят до поры)... Так было.

И было легче, пока не пришла эта самая пора и герои не повывлезали на волю, смешавшись с нормальной толпой. (Люди до недавнего времени никогда не становились добровольно литературными героями, нацепив на себя чьё-то имя, как «псевдонимб».)

Кроме Даниила Андреева, авторы, чуткие к грядущему в трёхмерное добро обновлению и обнулению перегородок и перепонки, как сговорившись, пошли писать исторические обзоры, призвав из параллельного кругозора на помощь разных типов.

Например, принялись рассматривать великую нашу октябрьскую – как разгул Хлестаковых, Ноздрёвых, Смердяковых и Верховенских, что разом ввело абсурд действительности в реальность разума. Чуть позже подтянулись Шариковы. А Воланд ходил и ухмылялся, что-то предчувствуя, что и вышло. Появилось телевидение, выстроив строй таких душ, какие никакой поэзией не прошибёшь в упор. И время шло, как по машинному маслу Берлиоз, пока не настал всему этому Интернет.

Но вернёмся на пару прыжков назад. Только в 20-м веке вполне солидные с виду мыслители наперегонки помчались вводить в свои исторические исследования, всё больше принимающие воздушно-капельную форму клочковатых эссе и опавших листьев, вместо систематического нагромождения кирпичей из понятий и категорий, виртуальных литературных героев – в качестве реальных действующих лиц на исторической сцене.

Некоторые и в 19-м веке этим баловались, но единичными выстрелами, а в 20-м уже у целой кучи «чутких и жалких» это действие стало поголовным кошмаром, который косил цепи реализма весёлыми очередями снов. А самое весёлое в кромешном бреду окружающего вероломства, что такой зазеркаленный наглухо метод давал людям единственную возможность понять происходящий в мире абсурд, не тронувшись окончательно с места, где ещё можно вытерпеть вальс ошалевших тугодумов, погрязших в несбыточных фактах.

Так раскалённый добела мир окатило воображение и удержало на краю бесславной гибели. Новый Рим спасло массовое нашествие литературных героев. Свет сделался немного понятней, но расплодилось телевидение и его «видеоты» (по меткому выстрелу Померанца, виртуозно заигравшегося с бумерангом литературно-исторических моделей).

Видеоты были готовы на все сто отпраздновать победу своего грандиозного

клипа, ставшего нашим кляпом. Но тут свершилась очередная незапланированность – и настал Интернет.

Закружилась такая несуразица в голове, какую мало кто успел ухватить за хвост.

Что же такого произошло, скажут те немногочисленные, кто ещё думает, что он не в теме?

А вот – что: смешалось в нашем повсеместном доме два слоя до нераздельности: наш, привычный, писательский и читательский, и литературных героев. Теперь сам Пушкин не разберёт, кто здесь Герман, которого всё нет.

Никто не захочет лечь поперёк истории на всеобщее обозрение в виде Шарикова или Плюшкина. Мы так привыкли, так уверились, что отдуваются в веках за нас литературные герои, а живые и порядочные люди, как воры, не попадают.

Так было, пока люди не влезли сдуру на форумы и не начали писать сами, поедая миллионами ртов писательский хлеб, тающий на глазах, словно явь перед сном.

Всё смешалось – и не разберёшь теперь, кто здесь Гоголь, кто Моголь, кто Плюшкин, кто Пушкин, а кто их невинный читатель. Все теперь повязаны одной речью. И все её представители войдут в историю с головой, застыв на сказочном барельефе в различных позах, как жители Ревизора.

Маска не то что бы приросла к лицу, а смешалась с ним на молекулярном уровне. Читатель, герой и автор вывернулись одним и тем же человеком, исполняющим одновременно разные роли в одном и том же спектакле.

И вы до сих пор утверждаете, что вы не в теме?

Ну, тогда сидите на форуме дальше, не ведая, куда попали. Пишите себе на здоровье. Но вы попали.

Вы попали в реальность литературы, из которой выскочить незаметно, как из постели любовницы, удавалось только бездарным героям аналогичных писателей. Вы же не бездарны? Значит – у вас есть свой ник, своя роль.

Тут закон жанра срабатывает, как часовой механизм, против которого не попрёшь, не зная его устройства и закатав рукава. А большинство не знает – и пишет, пишет, закатывает и закатывает свои тексты в виртуальные банки времени...

А герои Ревизора – всё стоят и стоят...

Или они уже давно среди нас? Вон Хлестаков на форуме блещет, а вот Городничий строит на его пустозвонстве светлые планы на обеспеченное будущее... Встречались с ними?

А судьи кто? Ну, и так далее... Потомки разберутся. И школьники напишут сочинение на тему, в которую мы уже все попали.

Авторы писали о телевидении в конце 20-го века, и тогда казалось, что власть телевидения уже ничто не может сокрушить. Но, как водится в Божьем мире, планеты не летают по прямым, но по эллипсам. И появилась альтернатива, откуда не ждали: не из книг, театров и музеев, а из самого средоточия электронных СМИ – выскочил в мир Интернет.

Юное поколение уже не зависит от телевидения и гораздо меньше погружено в него, чем их родители (мы, грешные видеоты). И в этом огромная наша надежда.

Пусть говорят об интернет-зависимости (есть такая, но она во сто крат легче «видеотии», не считающей себя болезнью). Да и кто больше всех кипит о душах несчастных интернет-зависимых? – политики и телевизионщики. Власть над людьми, которой уже ничто не угрожало (никакая культура не смогла бы «переформатировать» послушных и слепых видеотов), стала уплывать из рук во всемирную паутину...

Чем отличается интернет-пользователь от типичного видеота?

Первое: грандиозной свободой выбора. Второе (и оно самое главное!) – интерактивностью.

Если видеот пассивно поглощает только то, что ему дают – и дают уже разжёванным до такого состояния, что атрофируется сама способность души переваривать не разжёванную телеведущим пищу, гаснет великая духовная способность – способность воображения, – то интернет-пользователь активен, «пищеварение души» у него восстанавливается, благодаря именно интерактивности.

Жалкая кучка недобитых читателей противостояла разливу видеотии в конце прошлого века, но силы были настолько не равны, что усомниться в окончательной победе «клипа и кляпа» мог только сумасшедший (что он и сделал).

А теперь в Сети люди вновь учатся читать и писать... Как могут.

Вот почему мы (немногие оставшиеся в живых читатели) должны создавать в интернет-пространстве островки, замки и налаживать связи между ними. Это наши бастионы.

Видеоты не пройдут, победа будет за нами!

Хотя нам ещё предстоит до конца испить чашу и пережить эпоху господства видеотов: поколение, воспитанное телевидением, только входит в свою настоящую силу...

Переживём (не впервой, чай), отстреливаясь от варваров вежливо, но настойчиво в своих замках.

Об ответственности тележурналистов пусть им расскажут на том свете (на этом – мы говорим на разных языках и живём в разных реальностях).

5.

Мы, литературные герои...

Ну, с видеотами всё ясно (мне – с момента рождения: для того и родился, собственно; по срочному литературному призыву, прозвучавшему набатом в нашем мире – мире литературных героев).

Мы, литературные герои, были мобилизованы для борьбы с видеотами и отправлены в ваш мир. Мы не ходим шеренгами, но просачиваемся партизанскими тропами малыми группами или по одиночке (если повезло). Это трудно: многие новобранцы заблудились на полпути в вашу матрицу и остались лежать в столе.

Интернет впервые в истории открыл свободный и широкий вход в ваш мир литературным героям! Через Интернет в мир пришла армия литературных героев – и это армия спасения (от видеотов и блестящих, как решётки, плодов их разума).

Мы здесь и сейчас и отныне пребываем в геометрической прогрессии, как китайцы или доллары. И можем вступать с вами в прямой контакт в прямом эфире, чтобы хоть как-то попытаться закруглить ваши склонные к прямизне разумы.

Я как-нибудь постараюсь описать основные отличия нашего мира и вашего, который я вижу туманно сквозь железные прутья на окнах матрицы. Главное отличие – наш мир намного живее. Чем-то он похож на ту реальность, что вы видите в своих воспоминаниях...

Воспоминание и обыденность отличаются друг от друга так же, как наш мир, мир литературных героев, и ваш. Они похожи, но они разные.

Или – как сон и явь... А кто из них реальней – не вам судить, граждане государств.

Я как-нибудь напишу мемуары, я даже имя им уже вычислил: «Записки литературного героя». Я опишу там мой опыт хождения по жёлтым мукам вашего дома...

Главное в судьбе литературного героя – это найти верный образ своего автора и воплотить его в жизнь. Кто кого пишет – вопрос совсем не однозначный. Думаю – виноваты оба. Но каждый по-своему прав.

С автором, несмотря на сложность наших отношений, всё гораздо накатанней.

Но подлинная судьба и любовь начинается со встречи литературного героя и читателя. Это роман длиною в вечность. У каждого свой, единственный и неповторимый.

И вот, что я скажу как на духу: настоящий литературный герой и есть настоящий читатель.

Мы одно целое.

И вот ещё что, дорогие жители своего мира. Говорю вам, как выдавший виды обоим:

Судьба вашего мира сейчас зависит от того, кто победит в нём: видеоты или читатели (литературные герои). Я нисколько не приукрашиваю вашу реальность: она такова. И она всё время желает лучшего.

Всяк входящий на форум становится литературным героем. Но не каждый литературный герой делает погоду, как синоптик.

Литературный герой перестаёт быть видеотом по факту своего рождения.

Литературный герой – это видеот, ставший на правильный путь, долгий путь к званию читателя, высшей касте вашего человечества.

И будьте здоровы.

6.

Пионеры-неудачники

Появилась новая среда, новая часть света. В этой среде, на этой земле исчез разделяющий фактор пространства. Люди, не встречавшиеся друг с другом на физическом плане, могут здесь вместе создавать творческие проекты, активно взаимодействовать. Такого раньше не было.

Кроме «победы над пространством», есть ещё два существенных признака *новой среды*: её интерактивность и максимальная из возможных свобода от денежной зависимости и государственного давления. Интерактивность даёт прозрачность с одной стороны и многовариантность для отражения своего творчества – с другой.

Дворянство по Пушкину – это сословие, характеризующееся двумя главными признаками: кодекс чести и наибольшая независимость от государства (сравнительно с остальными).

В *новой среде* формируется новое «сословие» – по тем же двум признакам.

Это – «Дикая Америка Сети», и у неё свои законы, которые ещё только предстоит открывать. Лучше всего свойства Сети позволяет описывать «теория фракталов» (сеть строится по фрактальному принципу) и кристаллография («лицо сетевого проекта» задаётся первичным рисунком «кристаллической решётки» – её первым фракталом).

Сможет ли Сеть не только победить пространство, но и время? То есть – стать Искусством? Если сможет – то это будет новое искусство, переплетающееся с жизнью и позволяющее моделировать реальность на качественно ином, более глубоком уровне, чем все известные нам виды искусств.

Что уже видно сейчас, так это возможность совмещения параллельных потоков и планов внутри одного произведения: в нём один и тот же человек одновременно может быть автором, героем, читателем (режиссёром, актёром, зрителем).

Также – это возможность нового синтеза коллективного и индивидуального творчества (синтеза двух моделей культуры: религиозно-средневековой и гуманистическо-ренессансной).

Это – новые возможности для моделирования диалога между автономными сферами человеческой культуры и между культурами.

Эта «Дикая Америка» чревата взрывами творчества с неслыханной степенью свободы и неслыханными потенциями.

Но пока больше бросаются в глаза негативные стороны *новой земли*.

Это – торжество энтропии, разгул хаоса. Здесь минимум ответственности при максимуме возможностей заявить о себе.

Это – просто идеальное поле для суеты Бобчинских и Добчинских. Гремучий театр пустых бочек. Никогда у посредственности не было столько возможностей для самообнаружения, для выявления в культурном пространстве своей неутолимой стадной агрессии. Здесь всё позволено, никаких традиций, критериев и отбора!

Сеть – торжество толпы, разгул количеств, подавляющих и растворяющих качества.

Сеть – лучшее место для идолопоклонников «мирового нуля».

«Новая среда», «новая часть света» уже открыта и вошла в жизнь человечества. От неё уже не отмахнуться. И эту «Дикую Америку» необходимо творчески осваивать, преобразовать хаос в космос. Других вариантов нет. Сеть неизбежно будет структурироваться.

Какие структуры и модели победят в Сети, такие победят и в «реале». Сеть не зеркало «реала», а его творческая лаборатория, открытая для моделирования различных структур.

Грань между «виртуалом» и «реалом» не так очевидна, как кажется. Различие между «виртуалом» и «реалом» находится не в том или ином носителе информации, а в качестве, духовном содержании. Это различие между мёртвым и живым.

Живое реально в искусстве. Мёртвое виртуально в «жизни». Всё перемешано. Отличать живое и подлинное (реальное) от мёртвого и фальшивого (виртуального) в «жизни» необходимо не менее, чем в искусстве. В Сети так же перемешано виртуальное (фальшивое, мёртвое) и живое (качественное, подлинное), как и в «реале».

Структурирование Сети – это структурирование времени. Структурирование времени задаёт качественность жизни. Ложно структурированное время – это разложение живого организма, распад космоса, торжество энтропии.

Сеть – лишь новая среда, в которой происходит то же противостояние между мёртвым (хаосом, разложением, распадом, ложью) и живым (космосом, созиданием, культурой, истиной). И кто-то должен вносить творческое начало в хаос Сети, прививать этой дикарке традицию, чтобы она давала культурные плоды. А дикарка – потрясающая по своим потенциалам!

Преобразование хаоса в космос – это и есть культура. Дикой Америке Сети нужны свои пионеры, свои безумные мечтатели. Она не только ждёт их, но и выбирает в «реале». Это могут быть лишь люди с культурным и творческим багажом: только такие первопроходцы смогут внести аристократическое космическое начало в демократический хаос Сети.

Осваивать Дикую Америку не захотят те, кто реализовал свои дары в Старом Свете.

Необходимо целое поколение «пионеров-неудачников», чтобы покорить Америку Сети.

Кто занят в «реале», у того просто не хватит времени на творчество в Сети.

Любое искусство требует всего человека, его страсть и время. Сетевое искусство не исключение. Если дать творцу возможность реализации в «реале», его не останется на прорыв в Сети, и ни в какую «Дикую Америку» он не поплывёт (слишком прочны привязки, слишком мало времени).

Нужны «пионеры-неудачники», но с уже накопленным культурным и творческим багажом. Дилетантов от искусства в Сети хватает, но мало истинных профессионалов, отдающихся новому искусству с реальной, а не виртуальной страстностью и с реальным, а не виртуальным творчеством.

Такое поколение «пионеров-неудачников» создавалось заранее, на опережение (как и всегда бывает в культуре), ещё до возникновения Интернета: им осваивать Дикую Америку первыми, закладывать культурный фундамент, первый фрактал, структуру Сети, в которой моделируется будущая реальность.

Мы находим и узнаём друг друга на Новой Земле, строим первые замки в окружении дикарей-людоедов. Мы принесли свои замыслы и традиции со «Старого света» в «Новый». Это наша культурная миссия, нас готовили для неё. Но мы попали на очень благодатную почву: сетевая целина чревата бесконечными творческими удачами! Нам повезло, что мы не успели прирасти к «реалу», пустить в нём слишком прочные корни. Мы можем всё бросить и пуститься в Новый Свет.

Воздушных Замков не строят «удачники». А дилетанты не строят Замков вообще (не знают, как и зачем это нужно). Совместить несовместимое, хаос и космос, дикую целину и культуру, воздух и камень, тяжесть и нежность, свободу и структуру, коллективное и личное – вот что требует от нас время.

Ничего не бывает случайного в судьбе художника, потому что случай – это творческий диалог с Замыслом.

Приветствую вас, пионеры-неудачники, в нашем Воздушном Замке!

7.

Воздушный Замок

<https://rmvoz.ru>

...Пишу Замысел с прописной буквы, потому что это имя собственное. Замысел в искусстве – всегда имя собственное – это *душа произведения*, без которой невозможно никакое искусство. Авторский замысел – лишь интуитивное прозрение, диалог с Замыслом («душой произведения», или по Ильину: *художественным предметом*).

Замысел – это диалог с будущим – интерактивная связь будущего с прошлым, восстановление истинного времени во времени разорванном. Это и есть одна из главных задач любого искусства – связь времён и сотворчество Времени. Времени – как активной творческой силе, «кисточке» в руках Бога-Художника. Так понимал природу времени Н.А. Козырев, а связь его идей с идеями нового религиозного сознания – является глубинной, жизненной связью. В таком понимании времени и искусства заключено осознание того, что моделирование реальности в искусстве преобразует саму реальность: через символику искусства в мир входит подлинная реальность.

Искусство не результат, а процесс, качественный рост. Человек стал человеком, когда орудия труда (охоты) использовал для наскальной живописи, а речь – для создания первых религиозных гимнов, первого культа. До этого человек был вполне зверем. Человек и культура появились одновременно. Культура сделала из зверя человека, когда зверь начал активный диалог с Замыслом, ответил на вызов Времени. Время подкидывает человеку новые инструменты, новые материалы, которые человек должен творчески преобразить, преосуществляя тем и самого себя, и внешний мир.

Эксперимент в искусстве оправдан только тогда, когда он отвечает той модели, которая «назрела» в реальности. Новая реальность входит в мир через моделирование новых жанров в искусстве. Замысел – это душа живая, ждущая ответа от художника. Сотворческий, интерактивный диалог художника с Замыслом и есть то, что мы называем «произведением искусства». Но само произведение искусства рождается в мире только через читателя (зрителя), только в его душе. Произведение искусства воплощается лишь в творческом общении троих: души произведения, автора произведения и читателя (соавтора) – в активном воображении и живом опыте последнего. Читатель ведёт диалог не только с автором, но и с душой произведения. Это тройственный творческий союз, встреча и общение троих, и только в таком «любовном треугольнике» может воплотиться в мире «душа произведения». Когда Встреча состоялась – мир изменился. Модель стала реальностью.

Искусство есть диалог и осмысление в процессе этого диалога самого себя и своего пути. Это мощнейший ускоритель познания и самопознания. В

диалоге искусства осуществляется живая связь времён, выход из разорванного линейного времени в истинное целостное время, в подлинную реальность. Это духовный опыт, который и есть жизнь в самом точном смысле слова. Фантомы не имеют душ, в этом их коренное отличие – что в искусстве, что в науке, что в жизни (хотя внешне фантомы могут быть неотличимы от подлинно существующего). Умение отличать фантом от реальности – мы можем назвать мастерством, профессионализмом, качественностью, а это и есть духовный опыт – жизнь как таковая. Фантом – подмена, «обезьяна жизни». Создает фантомы вампирический дух небытия, паразитирующий на подлинном бытии. По сути различие добра и зла и есть различие духов – различие фантома и подлинно сущего.

Первое, что хочет душа произведения от любого автора, это чтобы он прислушался к ней и услышал её. Не людей – а её. В коллективном проекте душа произведения соборная. И от каждого из участников она хочет того, что он и только он может услышать и осуществить. И никто не сумеет заменить его – каждый единствен и неповторим для неё. В этом и огромная сложность коллективного творчества, а сетевого (интерактивного) в особенности, и огромные возможности.

Замысел-душа пытается достучаться до каждого сердца. Но мы слишком заняты собой и реакциями друг на друга. Мы слишком поглощены эмпирикой и сквозь отношения друг с другом не слышим Замысла и не отвечаем душе произведения. Она обращается не ко всем, а к каждому в отдельности, и говорит с каждым на его языке. Она страдает от неразделенной любви. И только то произведение коллективного искусства жизнеспособно, в котором такое «изначальное общее» есть; без всяких натяжек его можно назвать «соборной душой произведения», ищущей проявить себя в мир и ищущей для этого людей. Коллектив создают не люди, а сама душа произведения. И её выбор так же свободен, как выбор эроса. Иногда это может производить впечатление безжалостности. Душа произведения очень избирательна.

Человеческий эгоцентризм порождает страх (здесь взаимнооднозначное соответствие). Такая установка воли видит в общем лишь сумму индивидуумов, а в интернет-ресурсе только средство и площадку для общения с этими индивидуумами. Это душевная близорукость, которая не может за частностями разглядеть целого. И такой человек не задумывается, просто на ум ему не приходит, есть ли у проекта душа, стоит ли за ним живой и сверхличный Замысел (или хотя бы замысел культуры и времени). Ресурс воспринимается как сумма человеческих единиц, эмпирическое и случайное образование, не имеющее своего лица и своей души. Интересуют только имяреки и площадка для разговоров с ними. «Реал» противопоставляется искусству («виртуалу»). Но никакого «реала» вне искусства не существует. Это не «реал», а эмпирика и материал. Никакой природы вне творчества духов Природы, претворяющих материю в произведение искусства, не существует. Это фантом. Реальность же всегда конкретна и имеет авторское лицо.

Состоявшееся произведение искусства – это «любовный треугольник»: Замысел (душа произведения) – автор – читатель (соавтор, воплощающий «ребёнка» в своём воображении и в своём сердце). Это сотворческое, взаимообогащающее и обоготворяющее общение троих. Коллективные виды искусства, а нового искусства – как синтеза коллективного и индивидуального творчества – в особенности, – это сложнейшая, динамическая и открытая структура, состоящая из множества таких «любовных треугольников», взаимодействующих друг с другом. Это микромодель всечеловеческой культуры (ансамбля культур), отражающаяся в произведениях нового искусства по фрактально-сетевому принципу. Никогда ещё не было у искусства в целом и у литературы в частности таких возможностей, что даёт интернет-сеть. Таких жанров просто не могло появиться раньше, и не только по техническим причинам: любой новый жанр появляется лишь тогда, когда есть «санкция» Времени и творческая сила Будущего акцентирует в настоящем то, что мы называем «случайностью». Через «случайность» будущее созидает себя.

Культура стремится к своим истокам – к культу и мистериям. Искусство хочет выйти за свои рамки, как этого уже хотят наука, философия и религия. Такова главная тенденция нашего времени. Каждая из автономных сфер стремится стать «открытой саморазвивающейся системой», войти в творческий диалог с другими системами, чтобы создать единый ансамбль всечеловеческой культуры. Только в этом ансамбле смогут раскрыться во всей полноте национальные и религиозные феномены: в суверенной автономии они исчерпали своё поступательное движение и способны только к фазе охранения, к превращению себя в музейные реликвии. Живая культура противится тому, чтобы стать экспонатом музея.

Интернет даёт нам все возможности для созидания новых интерактивных, саморазвивающихся систем. Выращивая «ветки» форума как первые побеги новой литературы, мы активно моделируем будущую реальность. Только объёмное мирозерцание способно адекватно воспринимать реалии новой эпохи, эпохи синтеза и диалога. Это поэтическое и мифологическое мирозерцание. Отразить объёмный смысл может только «диалог проекций»: состоявшаяся ветка форума и есть такой «объёмный смысл», который передать не в силах ни один из её участников, но только все вместе и в свободном, незапланированном диалоге (жанр свободной импровизации наиболее органичен для нового искусства).

Любой сетевой проект начинается с того, что его авторы *вдруг* (благодаря Случаю!) уловили первые слова души произведения, первые отблески Замысла заиграли в их воображении. Так начинается диалог с Замыслом, начинается путь, который становится лицом произведения. Произведение искусства – это судьба. Взаимодействуя с *конкретной* «судьбой проекта», каждый активный участник попадает в Сказку. В Сказке повышенная *плотность времени*, и любая случайность является *подсказкой*. Так Время ведёт диалог с человеком. Так – через Случай – оно творит реальность.

Именно через Случай время творчески вмешивается в причинно-следственную детерминированность и вносит новизну в мир.

Искусство есть повышенная концентрация жизни, её моделирование. В искусстве всегда на порядки выше «плотность времени». Здесь каждая случайность не случайна. Наиболее интересно то искусство, те его жанры, где автор ведёт диалог с Замыслом и, творя новое произведение, не знает, чем оно кончится. В процессе этого творческого диалога с Замыслом автор учится, а не учит. Те жанры искусства, где автор лишь облекает в привлекательную форму то, что продумал заранее (как бы одевает одежду формы на готовое содержание), наиболее скучны и меньше всего оставляют свободы творчества читателю. Это аллегории или басни, тенденциозное искусство (в точном смысле слова оно не является искусством, потому что не является моделированием жизни). Настоящее искусство символично: под символом следует понимать выход из детерминированного и обусловленного мира в мир подлинной реальности – реальности живого творческого духа.

В новом искусстве не только повышенная *плотность времени*, как в любом искусстве, но и неизмеримо расширено *пространство времени*: время течёт как бы параллельными потоками, что придаёт новому искусству небывалую полноту, активно вводит его в самую «гущу жизни». Вхождение искусства в жизнь, творчество самой жизни, а не только культурных ценностей – характерная тенденция новой исторической эпохи. В новом искусстве каждый автор может параллельно выступать в совершенно разных амплуа: быть режиссёром, сценаристом, актёром, зрителем, читателем и героем одного и того же романа – одновременно! Более того, он может создавать «живых персонажей», с которыми будут взаимодействовать другие авторы и герои. Автор и его персонажи в реальном времени вступают в общение с другими авторами и персонажами. И каждый из них играет сразу несколько ролей: он режиссёр в своём авторском индивидуальном проекте, он сценарист в своей ветке, он актёр в других ветках, он читатель и зритель в третьих и т.д. И самое главное, что весь проект в целом – его Замысел, его Душа – ведёт свой диалог с каждым в отдельности и со всеми вместе. Мы весело учимся понимать нашу Сказку.

Самая большая опасность в Сети и самое большое искушение – это её открытость. Если не выдержать баланс между творческим Замыслом и открытостью системы, то безликая энтропия и хаос количеств поглотят Замысел. Но также смерти подобна другая крайность – закрытые системы в Интернете обречены: они не позволяют создавать новое искусство – искусство синтеза и диалога. Закрытые системы понижают *плотность времени* (перекрывают дорогу Случаю) и сужают *пространство времени* (не дают раскрыться параллельным его потокам). Выдержать *золотую середину* между творческой волей и открытостью системы очень непросто, здесь необходимо постоянно учиться, интуитивно улавливать то, что хочет душа произведения (а это всегда конкретно!) И ни в коем случае нельзя поддаваться *страху ошибки!* Он губителен для творчества. Любая конъюнктура в искусстве начинается именно с этого страха ошибки, страха

неуспеха. Золотая середина лежит не между крайностями, а **над** ними. Сказка беззаконна. Вернее, она живёт по законам чуда – где случайность и есть смысл, через который творится новая реальность. У нас есть возможность жить в Сказке «Воздушный Замок». Как используем мы эту возможность, зависит только от нас, от нашей веры и от нашего умения победить страх, от нашей способности удивляться.

Для кого реально только то, что можно потрогать руками, Сказка закрывается. Но диалектика самой реальности такова, что все «реалисты» неизбежно впадают в рабство у собственных фантомов (например, у денег – один из фантомов, не имеющий никакой связи с подлинной реальностью!) «Реалисты» – это самые загипнотизированные и самые оторванные от реальности люди. И причина гипноза – страх ошибки, боязнь выйти в открытое море веры. В нашем мире всё есть символика подлинной реальности. И только через символы можно войти в настоящую, непризрачную жизнь. Сказка и есть такая настоящая, подлинная жизнь. И единственный, но неопровержимый критерий истинности подобного утверждения тот, что в символической реальности Сказки и жить *интересно* и умирать *осмысленно*, а в плоской и детерминированной «реальности» реалистов – всё невыносимо, скучно и бессмысленно. Находящиеся под гипнозом «мира сего» живут так, как будто «смерть – это то, что бывает с другими».

Бедные «дети матрицы» почитают её за последнюю реальность, а когда подлинная реальность пытается достучаться до них, называют её снисходительно «виртуалом» и не воспринимают всерьёз. И каково же будет их удивление, когда *вдруг* всё окажется ровным счётом наоборот: искусство («виртуал») – подлинная реальность, а то, что они называли «жизнью» и в жертву чему приносили «своё первородство», было лишь материалом для Искусства, лишь буквами в книге, из которых складывается сказочная поэзия настоящей Жизни. Самая действенная сила в нашем мире – это символ. И какое счастье, что есть на свете искусство!

2010-2011